

Глава шестая

ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Первым, кто забил тревогу о неблагополучном состоянии экономики страны, был Павел Иванович Ягужинский. Будучи генерал-прокурором Сената, куда стекалась вся информация о положении дел в губерниях и провинциях, Ягужинский обратился к Екатерине с запиской, в которой со знанием дела попытался изложить причины бедственного положения страны и обозначить способы их устранения. Он не вдавался в детали, предлагая изложить их вельможам, стоявшим во главе управления ведомствами, «порознь взяв на письме, каким образом в настоящих конъюнктурах всякой по своей должности совет даст поступать».

Сам генерал-прокурор Сената объяснил постигший страну хозяйственный кризис двумя причинами: случившимся в течение нескольких лет подряд неурожаем и несовершенством налоговой системы. Донесения местных властей о неурожаях поступали со всей страны. В 1723 году из Орловской провинции сообщали, что обыватели «пришли в совершенную скудость, дня по два и по три не едят, покиня дома свои, ходят по миру и питаются травой и ореховыми шишками, мешая с мякинами, и оттого лежат в болезни и многие голодною смертью помирают...» В том же году люди в Московской провинции «за недородом хлеба питание имеют: толкут льняное семя и дубовые желуди и мешают с мякиною, пекут и едят. И живут не евши дне по четыре и по неделе, и от того неядения пухнут и помирают, а другие села и деревни стоят пусты, крестьяне вышли в разные места для прокормления». В следующем 1724 году недород хлеба вновь охватил Орловскую провинцию, а также северо-восточные провинции Европейской России, где крестьяне ели «гнилую колбу и траву».¹

Что касается налоговой системы и порядка сбора подушной подати, то ее размер был установлен Петром I в 74 копейки с мужской души сельского населения и 1 рубля 14 копеек с городского и уменьшен Екатериной I на 4 копейки.

Подушную подать должно было платить все податное население страны, занесенное в список во время проведения первой ревизии. В ревизских сказках оказывались младенцы, родившиеся в день проведения ревизии, увечные и дряхлые старики, не способные к труду. Более того, количество налогоплательщиков оставалось неизменным до очередной ревизии, проводившейся с периодичностью в двадцать лет. За этот промежуток времени численность реальных налогоплательщиков в селах и городах значительно сокращалась за счет умерших и беглых крестьян и горожан, а также взятых в рекруты, но за них подать платило население, оставшееся на местах. Таким образом, ревизская душа являлась не реальной, а мифической единицей обложения: способных к труду налогоплательщиков оказывалось в два-три раза меньше, чем занесенных в ревизские сказки, следовательно, сумма подати на каждого тоже увеличивалась в дватри раза, что было непосильно и для селян, и для горожан. Ягужинский считал необходимым для «некоторой отрады» уменьшить размер подати, взимаемой с крестьян.

Вторым средством выведения страны из кризиса Ягужинский считал сокращение расходной части бюджета. Так как главная статья расхода предполагалась на содержание сухопутной армии, то он рекомендовал в два раза уменьшить жалованье офицерам. Кроме того, офицерам из дворян, владевшим крепостными крестьянами, надлежало предоставлять краткосрочное увольнение от службы. Казна, полагал он, извлечет из этого двойную выгоду. За время пребывания

¹ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 464, 465.

офицеров в поместьях им не будут выдавать жалованье, но главная выгода от рекомендуемого порядка службы будет состоять в том, что население, оказавшись под хозяйским надзором, избавится от тягот, связанных с произволом приказчиков, местной администрации и алчных соседей-помещиков. Крестьяне, будучи в «господском призрении», восстановят хозяйство и станут исправными налогоплательщиками.

К источникам бедствия населения Ягужинский относил также мздоимство и казнокрадство чиновников областной администрации. Средством пресечения этих пороков он считал строгое следование указу Петра I об отправлении в губернии сенаторов для выявления злоупотреблений чиновников – «чтоб могло учиниться воровству пресечение и сбору как подушным, так и прочим порядочное течение». Сенаторам-ревизорам надлежало предоставить обширные карательные права, вплоть до предания казнокрадов смерти.

Надо полагать, что на эту меру автор возлагал большие надежды. Среди современников было распространено мнение, что из взимаемых с населения налогов в казну поступало только 30 процентов, а остальное разворовывалось чиновниками. Контроль за расходами, считал Ягужинский, необходимо осуществлять и в столице, где находились центральные учреждения. Для контроля за расходом ими денег надлежало восстановить ликвидированную Ревизионную коллегию.

Среди источников пополнения бюджета Ягужинский особо выделял развитие торговли и процветание купечества. «Генеральный фундамент во всем свете, что всякое государство на двух подпорах содержится, то есть от земли и коммерции». Но в России коммерция пребывает «в таком слабом состоянии», потому что в Сенате «купеческому делу люди неискусны», они установлением высоких пошлин сдерживают интерес иностранных купцов к торговле с Россией.

Заканчивает записку Ягужинский на мажорной ноте – словами Петра Великого, произнесенными на торжествах по случаю заключения Ништадтского мира: «дабы русское оружие впредь не ослабевало», и призывом «разсуждать, каким образом вышепоказанные опасности и внутренние нестроения успокоить и до государственного разорения не допустить».²

На призыв Ягужинского высказать планы выхода из кризиса откликнулись далеко не все министры и учреждения, обязанные по своей должности дать надлежащие советы. Их перечень ограничился Сенатом, Военной коллегией и генералом Минихом. Самую обстоятельную записку под названием «О содержании в нынешнее мирное время армии и каким образом крестьян в лучшее состояние привести» 13 октября 1725 года представил Сенат. Как и Ягужинский, Сенат считал причиной бедствия поразившую страну засуху, а также непрерывные дожди в летние и осенние месяцы, погубившие урожай. В результате за 1724 год осталось в доимке две трети подушной подати. Выправить крестьянское хозяйство, по мнению Сената, можно только уменьшением размера подушной подати с 70 до 60 копеек, причем это уменьшение должно быть временным – до восстановления хозяйства, порушенного неблагоприятными климатическими условиями.

Уменьшение размера подушной подати должно было сопровождаться сокращением численности армии: уменьшением штата драгунской роты на десять человек, а пехотной – на двадцать четыре человека.

Сенат предложил отпускать в деревню треть офицеров, оставив в полках только иностранцев и беспоместных дворян. Миних, напротив, считал, что армию надо «наиболее приумножить, нежели убавить», ибо в противном случае обнаружится «некая государства слабость». Расквартировать полки надлежало в

² Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн. 4. Смес. С. 269–273.

провинциях, «где провиант и фураж весьма не дорог». От ответа на вопрос, где и как изыскать ресурсы на содержание армии, Миних воздержался.

Самое странное предложение исходило от Военной коллегии, считавшей необходимым выяснить причину образования доимок: «не от слабости ль комиссаров и упрямства плательщиков, или от совершенной народной нужды, или за пустотою». Этот вопрос – свидетельство совершенной неосведомленности коллегии о возможностях крестьянского хозяйства того времени.³

Реальных последствий рассмотренные выше записки не имели. Они лежали под сукном более года, пока кризисное положение экономики не вынудило Верховный тайный совет возвратиться к обсуждению крестьянского вопроса и поискам путей восстановления платежеспособности населения.

Записки подали не все министры, входившие в Верховный тайный совет, как того требовала императрица, а четыре персоны, две из которых не являлись его членами. Документ, поданный 18 ноября 1726 года, назывался «Докладной запиской о государственных нуждах» и был подписан А. Д. Меншиковым, А. И. Остерманом, А. В. Макаровым и генералом А. Я. Волковым.

С большой долей вероятности можно утверждать, что тональность «Докладной записки» исходила от Меншикова, а литературное оформление ее содержания – от Остермана. «Докладную записку» открывает категорическое заявление о том, что «дела как духовные, так и светские в худом порядке находятся», и как ни трудился Петр Великий, но заметного результата «по се время не видно». Между тем статус великой державы, приобретенный Россией в годы царствования Петра, требовал достойных этого статуса армии и флота. Но крестьяне, налогами с которых содержится армия, «в великой скудности обретаются» и от непрестанных экзекуций приходят «в крайнее всеконечное разорение». Им надлежит оказать «некоторое облегчение» и опеку, ибо «солдат с крестьянином связан как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата». Скудость крестьян, по мнению авторов, происходит не столько от неурожаев и размера подушной подати, сколько от изъянов в структуре местных органов власти – от «несогласия у офицеров с земскими управителями и у солдат с мужиками».

После преамбулы следует перечень конкретных мер, которые должны были предоставить крестьянам «некоторое облегчение», причем экономии намеревались достичь не за счет сокращения численности армии и уменьшения жалованья офицерам, а путем радикальной реорганизации местных и отчасти центральных органов власти. Деятельности гражданской администрации дана резко негативная оценка; численность чиновников в гражданских и военных мундирах увеличилась раз в десять, в штате появилось множество ранее не существовавших должностных лиц, «из которых иные не пастырями, но волками в стадо ворвавшимися называтися могут». Страшен один «проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров, колыми же паче страшнее правежа и экзекуций». Авторы «Докладной записки» предлагали радикальную меру: упразднить многочисленные учреждения, созданные областной реформой 1719 года, ибо «умножение правителей и канцелярий во всем государстве не токмо служит к великому отягощению штата, но и к великой тяжести народной», что вызывало бегство крестьян в Башкирию, Запорожскую Сечь и соседнюю Польшу.

Авторы, кроме того, предложили ликвидировать судебные органы, а также полковые двory, ведавшие сбором подушной подати, а полки, расквартированные в провинциях, разместить в городах, в специально построенных для этого казармах и местностях, где хлеб и фураж можно было покупать по дешевой цене.

³ Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1897. Кн. 1. С. 30–35.

Стремление к экономии средств коснулось и армии – офицеров, солдат и урядников, владевших крестьянами, разрешалось отпускать на время в деревни без уплаты им жалованья.

В итоге осуществления предложений авторов «Докладной записки» на местах должно быть восстановлено воеводское правление, сосредоточивавшее административную, полицейскую и судебную власть в руках воеводы и его канцелярии.

«Докладная записка» предусматривала ряд мер поощрения торговли и купечества. Ее авторы исходили из представления, «что коммерция жилою есть государственною... и какое богатство и ему добрый порядок в купечестве государству умножит, в том Голландия и Англия особливо в примеры служить могут». В России же купечество едва ли не все разорено, и авторы рекомендовали создать специальную комиссию о коммерции, поручив ей разработать конкретные меры, способные расширить торговлю и отменить ряд обременительных повинностей купцов. В то же время авторы осуждали повышенный интерес купцов к владению крепостными, а помещиков – к занятию торговлей.

Сводное мнение четырех вельмож подверглось обсуждению в Верховном тайном совете 9 января 1727 года. Во время обсуждения Меншикову пришлось доказывать неразумность предложения Ф. М. Апраксина о достижении экономии путем вычетов из жалованья офицерам, как это было осуществлено в 1723 году. Как президент Военной коллегии, Меншиков решительно встал на защиту интересов офицеров. Возражая Апраксину, он заявил: «А чтоб у воинских чинов по прежнему примеру вычет учинить или и вовсе жалованье убавить, мнится быть бесполезно для того, что оным дается жалованье и так против европейских государств весьма малое и только содержат себя те, кои имеют свои деревни, а кто не имеет, те с немалою нуждою и временем в конечное приходят мизерство. И понеже всяк может рассудить, когда офицер в пропитании имеет нужду», то он, испытывая бедность, не может проявить усердия к исправной службе.⁴

Апраксин, однако, вполне согласился с мнением авторов «Докладной записки» о бедствиях, исходивших от множества управителей: «Кажется, крестьянству ничто так не чувственно, как разные им команды, а ни одного опекуна такого или подобного тому, как прежде бывали воеводы, нет. Но в одной провинции первое – воеводы; второе – командиры; третье – комиссары; четвертое – многочисленные приезжающие от полков офицеры с солдатами, что им бы только взлить сполна, а после его как хочет другой. И не под единым послушанием в провинции обретаются. Из сих подлый мужик не ведает, кто у них большой, всех боится, от всех, увидя, в леса бежит, прячется или откупается, и приезды их не меньше тяжестью приходят, как самые платежи их».

«Докладная записка», а также записки других авторов были использованы в качестве источника при составлении указов. В последних можно обнаружить заимствованные из «Докладной записки» формулировки, не говоря уже об общем содержании.

Первый из указов был обнародован 9 февраля 1727 года и начинался словами: «Понеже известно нам учинилось, что нашей империи крестьяне, на которых содержание войска положено, в великой скудости находятся, и от великих податей и непрестанных экзекуций и других не порядков в крайнее и всеконечное разорение приходят», подушную подать за январскую и майскую трети велено взysкивать в сентябре, а офицерам и солдатам, находящимся у сбора подушной подати,

⁴ Сб. РИО. Т. 63. С. 110.

предложено отбыть в свои команды.⁵ Самый обстоятельный указ с перечнем разнообразных мер по экономии расходов был обнародован 24 февраля. Он повелевал две части офицеров и рядовых из шляхетства отпускать в деревни без выдачи жалованья. Этот же указ предусматривал учреждение двух комиссий: одной, во главе с князем Д. М. Голицыным, поручалось рассмотреть целесообразность существующей системы взимания налогов, другой, во главе с А. И. Остерманом, – разработать меры, способствующие развитию коммерции. Указ почти дословно повторял мотивировку «Докладной записки» о необходимости ликвидировать учреждения в уездах и провинциях, а также упразднить Мануфактур-коллегию.

Дела Мануфактур-коллегии передавались в ведение Коммерц-коллегии, при которой учреждался своего рода совет из владельцев крупных мануфактур, как бы мы сейчас сказали, на общественных началах – им жалованья не платили, но они были обязаны съезжаться «хотя на один месяц зимою» в Москву для решения «неважных дел», «и без приговоров и протоколов коллежских все неважные определения чинить». «Протектором» у этих фабрикантов был определен сенатор Новосильцев, президент ликвидированной Мануфактур-коллегии. Однако на деле этот совет оказался мертворожденным.

Помимо Мануфактур-коллегии специальным указом упразднялась должность рекетмейстера, принимавшего жалобы от населения на имя императрицы. Мотив – «напрасно жалованье происходит».

Упразднение Мануфактур-коллегии не принесло экономии средств, ибо вместо нее была восстановлена ранее ликвидированная Ревизион-коллегия на том основании, что «ревизия не меньше, как и экономия, а у нас только она именем, а в самом деле счету никогда не бывало». Намерение контролировать расходную часть бюджета заслуживает одобрения, хотя сам бюджет появился только при Екатерине II.

Вторым новым учреждением стала Доимочная канцелярия, которой поручено было править доимки, «не так жестоко на тех, которые не в состоянии платить», как на тех, которые неосторожно противно указу выдавали и в надлежащее время недоправили.⁶

Верховный тайный совет, видимо, по инициативе Меншикова, предложил рассмотреть штаты центральных учреждений на предмет их сокращения: раньше в приказах «дьяков и подьячих было умеренное число, а ныне чиновников умножилось», и на жалованье им исходит «немалая сумма». Сенату, кроме того, поручалось ответить на вопрос, не следует ли вернуться к практике, существовавшей до 1700 года, когда приказной мелкоте «жалованье не давано, а довольствовались от дел и ныне быть без жалованья».

На последний вопрос Сенат дал положительный ответ, и взятки, пережиток средневековых кормлений, были узаконены: население, подавая челобитные, поощряло усердие канцеляристов, протоколистов, копиистов вознаграждением за их труд, которое деликатно называлось акциденцией. Представители крапивного семени Вотчинной и Юстицколлегий, куда чаще всего обращались с жалобами, принимали челобитную, устремляя свой взор на ладонь челобитчика, на глазок определяя размер mzды, и решали тяжбу в пользу того, кто больше заплатит. Таким образом, суждение авторов записок, в том числе и «Докладной записки», о волоките и народных тягостях от «неправых решений» в значительной мере перечеркивалось установлением оплаты услуг самими челобитчиками. Стремление к экономии

⁵ ПСЗ. Т. 7. № 5010.

⁶ Там же. № 5017.

государственных средств в интересах населения оборачивалось для него введением акциденций, что не устраняло волокиты и не оберегало от неправых решений.

Новшества коснулись и духовенства. Выше отмечалось, что с учреждением Верховного тайного совета Сенат из Правительствующего стал Высоким. Понизился и ранг Синода – 14 июля 1726 года вместо Правительствующего он стал именоваться Святейшим.⁷ Но это не единственное проявление тенденции усиления зависимости духовной власти от светской.

Важнейшее значение в этом плане имел манифест 1726 года о разделении Синода на два департамента. Первому отдавались на откуп дела духовные, а второму – полноправное управление принадлежавшими монастырям и епархиям вотчинами. Сбор с них налогов и исполнение судебных функций манифест изображал как акцию благодеяния по отношению к Синоду, который освобождался от выполнения чисто светских забот, состоявших в управлении вотчинами и судопроизводстве. Отныне Синод мог сосредоточиться на укреплении и распространении православия, соблюдении его чистоты, борьбе с раскольниками и сектантами и обращении язычников в православных. Однако подлинная цель манифеста заключалась в продолжении начатого еще в 1701 году секуляризационного процесса, в изъятии государством у духовенства недвижимой собственности.

Каждый из двух «апартаментов» состоял из шести персон, причем в первом заседали исключительно духовные иерархи, а во втором – светские чины, назначаемые светской властью. И тем и другим жалованье платило государство, члены первого департамента лишались права пользоваться доходами с вотчин.

При Екатерине I возникло дело новгородского архиепископа Феодосия. Оно представляет интерес не вследствие его влияния на судьбы духовенства, а потому что в нем выявились как претензии высших иерархов, так и нравственный облик духовных пастырей. В своих поступках Феодосий руководствовался не высоконравственными догматами церкви, а приземленными личными интересами. Он принимал новшества, если они не сопровождались сокращением его доходов и не ущемляли прав, принадлежавших его сану. Его честолюбие было оскорблено тем, что после смерти блюстителя патриаршего престола Стефана Яворского он не был назначен президентом Синода, а корыстолюбие – урезанием его доходов. К этому надо добавить сварливый характер Феодосия, его нетерпимость к тем, кто не разделял его взглядов, неразборчивость в средствах достижения цели, грубые выпады против императрицы и светских вельмож.

Резкие высказывания новгородского архиерея в адрес светской власти начали звучать еще при Петре Великом: «Отнял Бог милость свою от этого государства, потому что духовные пастыри сильно порабощены и пасомые овцы над пастырями власть взяли». В 1724 году Феодосий даже осмелился высказать свое недовольство Петру, чем вызвал раздражение царя. В ожидании кары Феодосий обратился с просьбой о заступничестве к Екатерине: «Вчерашнего числа (30 апреля 1724 года. – *Н. П.*) в Покровском селе безумием моим, не выразумев благопотребной воли всемилостивейшего государя, прогневал я, окаянный, его императорское величество так много, как никто больше; того ради пребываю в великом страхе и отчаянии». Владыка просил «разрешения лично покаяться в моей великой вине».

«Предстательством» Екатерины дело было улажено, но Феодосий отплатил своей заступнице черной неблагодарностью. После ее коронации он так высказался по поводу необходимости упоминать ее имя в ектениях: «Какова та молитва будет, что по указу молиться?»

После смерти Петра Великого Феодосий посчитал, что ему все дозволено. Он

⁷ Сб. РИО. Т. 56. С. 473.

стал вести себя вызывающе, совершал один за другим выпады против императрицы и вельмож. 12 апреля 1725 года владыка подъехал в карете к мосту перед дворцом императрицы и, будучи остановлен караульным, вышел из кареты и, гневно размахивая тростью, закричал: «Я сам лучше светлейшего князя!»

Через несколько дней, когда в Петропавловском соборе должна была совершаться панихида по покойному императору, Феодосий вступил в пререкание с камер-юнкером, по поручению императрицы пригласившим его на церемонию. Когда же обер-гофмейстер Олсуфьев передал Феодосию повеление быть на обеде, он заявил: «Мне быть в доме ее величества не можно, понеже я обещен. Разве изволит прислать нарочного, чтоб проводили». «Нарочного», разумеется, не прислали, и Феодосий на обеде не присутствовал.

Подобную дерзость двор запомнил. Но Феодосий не угомонился и начал осуждать церковную реформу. В недоброжелателях Феодосий недостатка не испытывал, и архимандриты вскоре донесли о его недостаточно благонадежных рассуждениях: «Никто духовным недоброжелательны, все уклонишася вкупе, какого тут благословения Божия ожидать? Воистину скоро гнев Божий снидет на Россию». Далее Феодосий продолжал: «Государь старался ниспровергнуть это духовное правительство и для того нас утеснял штатом и нечаею жалованья, а теперь смотрите: мы все живы, а он умер, его нет».

Когда Феодосий, наряду с другими членами Синода, получил повеление императрицы участвовать на панихиде по почившему Петру, он, поднявши глаза к небу, воскликнул: «Боже милостивый, какое тиранство! Чего церковь дождалась? Мирская власть повелевает духовной молиться, это слову Божию весьма противно».

В последующее время уже ничто не удерживало владыку от резких слов в адрес Петра и его церковной реформы: «Доколе будет тиранство над церковью, дотоле добра надеяться невозможно и суеверие не искоренить, понеже пастыри ни в чем не могут иметь воли, а в церкви монархии нет и никакой не бывало...» Феодосий клеймил Петра не только за духовную реформу, но и за светские дела: «За воинские дела не для чего его хвалить: воевал он от младенческой своей охоты и из тщеславия, а не для государственной пользы... Был государь великой амбиции, глубоких и беспокойных замыслов: новые одни за другими дела заводил, сегодня задумал великое дело, завтра еще большее затеет...»

В поведении Феодосия нетрудно разглядеть непостоянство: то он осуждал светскую власть, то подавал Екатерине челобитную, в которой клялся в верности ей; он прежде всех учинил присягу «и подписал то и содержать ту мою присягу до кончины жизни моей тщуся непременно».

Феодосий позволял себе не только произносить «предерзостные и непристойные слова», но и обдирать с икон серебряные оклады, отбирать церковную серебряную утварь, колокола – духовному пастырю были не чужды пороки светских людей.

11 мая 1725 года указом императрицы Феодосий был отрешен от синодского правления и Новгородской епархии и сослан в Карельский монастырь, расположенный в устье Двины, где его надлежало содержать «под караулом неисходно».⁸

Трудное время после смерти Петра наступило и для антипода Феодосия – Феофана Прокоповича, блестящего публициста и проповедника, автора двух важнейших трактатов эпохи: регламента Духовной коллегии и «Правды воли монаршей». Петр использовал таланты Прокоповича в проведении церковной реформы, оказывал ему доверие и покровительство. После кончины Петра Феофан

⁸ Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 582–588.

лишился защитника и подвергся настолько серьезным нападкам противников церковной реформы, что ему грозили большие неприятности.

Доносители из лагеря противников реформ обвиняли Феофана Прокоповича в лютеранских симпатиях, в пренебрежении к иконам и прочих тяжких преступлениях. Главное обвинение носило политический характер – ему приписывали недоброжелательное отношение к императрице. Все обвинения были ложными, и образованному и опытному полемисту не составило труда их опровергнуть. Более того, его духовная карьера продолжилась, и после низложения Феодосия он стал новгородским архиепископом.

Самые тяжелые времена для Прокоповича наступили уже после смерти Екатерины I, когда доносы, подобно волнам, накатывались один за другим. Теперь покровительством верховной власти, от имени которой действовали Долгорукие, пользовался не Прокопович, а его противники, члены Синода, ряды которого пополнили сторонники восстановления патриаршества. Если бы не ранняя смерть Петра II, Феофан непременно бы закончил жизнь в убогой келье какого-либо захолустного монастыря, испытывая унижения от сурового игумена и караульных солдат. Однако он и на этот раз устоял, в 1730 году выступил против попытки верховников ограничить самодержавие и в царствование Анны Иоанновны, благодаря ее покровительству, расправился со своими противниками.

В то время как руководимая Остерманом комиссия о коммерции хотя и работала ни шатко ни валко, но все же подготовила материал для указов об отмене ограничений в торговле через Архангельск, об отмене государственной монополии на возделывание и продажу табака и об отмене монополии на добычу слюды,⁹ комиссия Голицына оказалась бесплодной. Сохранился единственный указ Верховного тайного совета от 27 сентября 1727 года, которым от Сената, Синода и коллегий требовалось предоставлять необходимые комиссии ведомости.

Между тем дело, порученное комиссии Голицына, имело принципиально важное значение: ей было предложено определить, «впредь с крестьян каким образом удобнее и сходнее с пользою народной с душ (так как ныне или, по примеру других государств, с одних работников, кроме старых и малолетних...) или тот платеж с дворового числа с тягол или с земли положить».¹⁰

Чтобы обосновать переход к новой системе налогообложения, комиссии Голицына надлежало располагать разнообразными сведениями: определить, сколько числилось из попавших в ревизские сказки платежеспособных лиц, установить число беглых и сроки, в течение которых за них обязаны платить подати крестьяне, оставшиеся на месте, располагать данными о количестве крестьянских дворов и т. д. Однако этих сведений у комиссии не было.

Смерть Екатерины I через полгода после учреждения комиссии Голицына, а также упразднение Кабинета ее императорского величества и должности тайного кабинет-секретаря отнюдь не стимулировали усердия князя в продолжении работы комиссии, хотя к 1730 году все же удалось собрать некоторые сведения о доле в бюджете страны налогов, взимаемых с помещичьих, монастырских, дворцовых и государственных крестьян, а также о сумме налога, поступающего в казну при подворном обложении. Полученные данные не внушали оптимизма: в результате роста смертности среди крестьян, а также увеличения численности беглых значительно уменьшилось число налогоплательщиков. Эти данные надлежало подвергнуть анализу, сопоставить доходы, получаемые казной при подушном и

⁹ Сб. РИО. Т. 56. С. 311.

¹⁰ ПСЗ. Т. 7. № 5028.

подворном обложении с учетом так называемых запросных денег (экстраординарных сборов) с тем, чтобы в конечном счете определить оптимальную для России форму налогообложения. Но эту, главную задачу комиссия Голицына как раз и не смогла решить.¹¹

Из рассмотренных выше акций Верховного тайного совета две имели основополагающее значение, поскольку отражали начало процесса, получившего продолжение. Речь идет о манифесте о разделении Синода на два департамента и указе о временном освобождении дворян от службы в полках и предоставлении им права жить в деревне. Первый обозначил этап в секуляризации владений духовенства, завершившийся в 1764 году при Екатерине II. Тенденция же, обозначенная во втором законодательном акте, завершилась манифестом о вольности дворянской 1762 года.

В оценке результатов мер, осуществленных Верховным тайным советом на первом этапе его существования, историков интересуют два вопроса: каковы были причины недолговечности областных учреждений, введенных реформой 1719 года, и каков был финансовый эффект от упразднения учреждений и должностных лиц, наводнивших провинции и терзавших ее население.

На первый вопрос ответил еще С. М. Соловьев: «Теперь преобразователь был во гробе, и наступило время проверки, прочен ли установленный им порядок. Железной руки, сдерживавшей врагов преобразований, не было более; Петр не распорядился даже насчет своего преемника; русские люди могли теперь свободно распорядиться, свободно решить вопрос, нужен ли им новый порядок, и ниспровергнуть его в случае решения отрицательного. Но этого не случилось; новый порядок вещей остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворот со всеми его последствиями как необходимо вытекший из условий предшествующего положения русского народа».¹²

С наблюдением Соловьева можно согласиться, если иметь в виду всю совокупность петровских преобразований, новшеств, введенных в экономику, социальный строй, культуру, быт, структуру центральной власти. Но областная реформа Петра Великого 1719 года явно выпадает из цикла его преобразовательных начинаний. Дипломаты, наблюдавшие за осуществлением реформы, считали ее недолговечной. Французский дипломат Кампредон доложил своему правительству в 1721 году, что созданные царем учреждения будут ликвидированы еще при его жизни. Посол Пруссии Мардефельд тоже предсказывал печальную судьбу административных реформ Петра: «Умри этот государь, они, большинство русских, всем пожертвуют, даже своей жизнью, лишь бы вернуться к своему прежнему порядку управления и бросить нововведенные учреждения царя, которые поддерживаются только его суровостью и духом».

Предсказание иностранных наблюдателей оправдались лишь частично – коллегии успешно выполняли свои функции свыше полувека, а Сенат сохранился до 1917 года. Что же касается областных учреждений, то они не выдержали испытания на прочность. Соратники Петра после его смерти подвергли их суровой критике и с необыкновенной легкостью расстались с ними без всякого сожаления.

Автор фундаментального исследования о проведении Петром I областной реформы, крупнейший историк первой трети XX века М. М. Богословский дал исчерпывающее объяснение причин восстановления воеводского правления и отмены новшеств в структуре областной администрации. Главная из них состояла в

¹¹ См.: Исторические записки. 1971. № 91. С. 338–352.

¹² Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 538.

том, что общество не созрело и не было готово к содержанию громоздкого и дорогостоящего административного аппарата, оно не располагало ни финансовыми, ни людскими ресурсами, чтобы заполнить многочисленные учреждения знающими свое дело администраторами и оплачивать их труд.

Контрреформу осуществляли соратники Петра – но не из-за стремления повернуть историю России вспять, а из чисто рационалистических побуждений.

Восстановление воеводского правления было выгодно и помещикам, и крестьянам. Оно освобождало крестьян от вмешательства в их жизнь чиновников, которые опустошали их хозяйства и, следовательно, наносили ущерб и интересам владельцев, поскольку благополучие последних напрямую зависело от благополучия принадлежавших им крестьян. Восстановление воеводского правления было выгодно и государству, которое возлагало на помещиков сбор подушной подати и таким образом приобретало дармовых агентов.¹³ Вместе с тем контрреформа не сопровождалась простым возвращением к воеводскому правлению, существовавшему в XVII столетии. Ее результатом стала стройная иерархия бюрократических учреждений – уездный воевода подчинялся провинциальному, а последний – губернатору, подчиненному верховной власти.

Верховный тайный совет располагал четырьмя средствами выведения страны из финансового и экономического кризиса. Первое предполагало уменьшение размера подушной подати и как следствие этого – сокращение численности армии. Второе средство состояло в сокращении расходов. В этом случае вся тяжесть мер, обеспечивавших экономию, падала не на армию, хотя и ей пришлось кое-чем поступиться, а на гражданскую администрацию. Третье средство было связано с увеличением доходной части бюджета путем поощрительных мер развития торговли и промышленности, а также более рационального использования монетной регалии, то есть монопольного права государства на чеканку денег. Четвертый источник пополнения казны связан с монетной реформой.

Из предшествующего текста явствует, что надежды на успех от использования всех перечисленных выше мер оправдались далеко не в том объеме, на который рассчитывали члены Верховного тайного совета. Даже поощрительные меры в отношении торговли и создание условий для процветания купечества дали ничтожные результаты, так как самые обременительные повинности купцов (сбор таможенных пошлин, продажа соли, вина и др.) не были отменены.

Что касается монетного дела, то и здесь наблюдались определенные успехи, достигнутые благодаря энергичным действиям генерал-майора Александра Яковлевича Волкова и одного из членов «ученой дружины» Петра Великого – историка, экономиста, администратора, географа, специалиста горного дела Василия Никитича Татищева.

Чеканка монеты использовалась казной в качестве примитивного средства извлечения дохода, достигавшегося несложным путем – уменьшением веса металлов в монете. Этот способ пополнения казны использовал Петр I, когда в 1701–1703 годах казна в результате чеканки новой монеты получила чистой прибыли 1,9 миллиона рублей. Порча монеты вызвала инфляцию – курс рубля снизился почти вдвое, соответственно поднялись цены на товары.

С тех пор монетные дворы в Москве, где чеканились деньги, бездействовали. Выпуск новых денег был санкционирован указом от 26 января 1727 года. Прибывшие на Монетный двор Волков и Татищев обнаружили безрадостную картину. Волков доносил Кабинету ее величества, в ведение которого монетные дворы были переданы из Берг-коллегии: «Истинно, как после неприятельского или

¹³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 492–506.

пожарного разорения все инструменты разбросаны без всякого призрения, многие под снегом на дворах находятся, деревянное гнило, а железное перепорчено... нет ни форм, во что плавить, ни мехов к кузницам...» Волкову вторил Татищев, сообщавший Макарову: «Осмотрел я все денежные дворы и нахожу их так, как они во время поляков брошены, и до сего дня в них никто не бывал».

8 марта 1727 года Татищев рапортовал об успешном восстановлении монетных дворов: «Монетные дворы от бывшего их разорения в такое состояние, в какое они теперь, и в год привести было бы нельзя, если бы делать не с такою силою и властью, с какою Александр Яковлевич делал. Поистине удивительно, что в такое короткое время почти все вновь сделано, и можно уже надеяться на Бога, что дело пойдет без остановки, только б такая была помощь после него, как теперь».¹⁴ Тогда же началась чеканка новых медных пятикопеечных монет на сумму в 2 миллиона рублей.

Указ 26 января 1727 года объяснялся необходимостью выпуска новых денег «для облегчения крестьян в податях и других нужд». В действительности же налогоплательщики обещанного облегчения не получили, а всю выгоду из этой операции извлекла казна. Дело в том, что до 1718 года из пуда меди чеканилось пятикопеечников на сумму в 20 рублей. Теперь же стали чеканить пятикопеечников из этого же веса меди на 40 рублей, то есть вес монеты был уменьшен в два раза. О выгоде казны от этой нехитрой операции можно судить по тому, что рыночная цена пуда меди равнялась 8–10 рублям. Уже к концу августа 1727 года было выпущено пятикопеечников на 1 миллион 220 тысяч 600 рублей и получено прибыли 607 тысяч рублей. К концу года план чеканки монет был практически выполнен, однако размер подушной подати остался прежним.¹⁵ Правители при Петре II не считали себя обязанными выполнять обещания своей предшественницы.

Но не все начинания Верховного тайного совета приносили хоть какие-то результаты. Некоторые так и остались бесплодными. Помимо уже упоминавшейся деятельности комиссии Д. М. Голицына, назовем попытку заменить устаревшее Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года (своего рода кодекс законов, включавших уголовное, имущественное, семейное право и т. д.) новым.

За три четверти столетия в обществе произошли существенные изменения, нашедшие отражение в текущем законодательстве. Иногда оно корректировало статьи Уложения 1649 года, а иногда устанавливало нормы, ему противоречившие. Эти изъяны Уложения обнаружил еще Петр I, когда в начале столетия была учреждена Палата об уложении. Однако она не справилась с поставленной перед ней задачей.

При Екатерине предприняли новую попытку составления Уложения. Была создана комиссия в составе трех обер-секретарей и технического персонала, которой надлежало проделать сложную и кропотливую работу по выявлению и систематизации так называемых новоуказных статей, то есть указов, изданных после 1649 года, а также использовать подходящие для России правовые нормы зарубежных стран, составить новые указы и т. д. Эту многотрудную работу надлежало выполнить к концу 1726 года. Задание оказалось непосильным и не было выполнено не только к указанному сроку, но и к концу XVIII столетия, несмотря на учреждение аналогичных комиссий в каждое новое царствование, в том числе и

¹⁴ Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 569, 570.

¹⁵ Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985. С. 212.

комиссии об Уложении 1767–1768 годов, созванной Екатериной Великой.¹⁶

Еще одно неудавшееся мероприятие связано с поручением П. П. Шафирову написать историю царствования Петра Великого. При назначении Шафирова, очевидно, руководствовались тем, что его перу уже принадлежало «Разсуждение о причинах Свейской войны», в первый раз опубликованное в 1719 году и переизданное в 1722 году. Сочинение было написано по заданию Петра, им же отредактировано и дополнено. Сенат полагал, что Шафиров блестяще справится и с новым заданием – написанием сочинения, освещающего уже все стороны жизни и деятельности Петра от рождения до смерти. Однако сенаторы ошибались.

Оказалось, что Шафиров, не имея такого наставника, как Петр I, не был способен самостоятельно выполнить поручение. Показательны, например, вопросы, с которыми он обратился к правительству: «1) Как содержан царь Петр Алексеевич, яко царевич, с матерью своею по смерти царя Алексея Михайловича? 2) Какою болезнью болел царь Федор Алексеевич перед смертию и задолго ль был болен до кончины? И по смерти его как избрание царя Петра Алексеевича воспоследовало и что чинилось по избрании мая по 15 число, когда главный бунт начался? 3) Что во время того бунту с его величеством от бунтующих случилось? 4) Какие внутренние интриги в том и от кто были?» и т. д. Но ведь задача Шафирова как историка как раз и заключалась в том, чтобы дать ответы на эти и многие другие вопросы.

Не лишено оснований и такое предположение. Как известно, в 1722 году за публичную ссору в Сенате с Меншиковым Шафиров был приговорен к смертной казни. Все было приготовлено к исполнению приговора, голова обреченного уже лежала на плахе, когда прибывший гонец доставил указ о помиловании. Смертная казнь была заменена ссылкой. Потрясение, перенесенное Шафировым, было велико. Такое не забывается, и можно полагать, что Шафиров, так и не простивший Петру пережитого, сознательно саботировал указ императрицы.

Ни при Екатерине I, ни при ее ближайших преемниках история царствования Петра Великого не была написана. Она появилась только в 1761 году, причем автором ее стал не русский, а француз Вольтер, которому правительство Елизаветы Петровны доставило необходимые для этого источники.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 63. С. 793, 794.